Оказалось, что на следующее утро наша ситуация немного прояснилась. Во время завтрака Мишель рассказала мне о своем плане:

— Я хочу провести следующие две недели только с тобой. Никакого Майка. Я скажу ему, что никаких телефонных звонков, никаких сообщений, ничего. Ты можешь проводить время с Джеки, если хочешь, приглашать нас обеих на танцы, отвозить ее домой и заниматься с ней любовью, если хочешь, но следующие две недели я буду исключительно твоей.

До сих пор мне нравился ее план, за исключением того, что я не думал, что смогу продолжать платонические отношения с Джеки, приглашая ее на танцы или ужин, но не проводя с ней одну из моих драгоценных ночей. Потом Мишель бросила мне на тарелку остатки своей еды.

— Потом я хочу провести еще одни выходные с Майком и скажу ему либо «да», либо «до свидания».

Я не знал, что на это ответить. Две недели плюс одни выходные должны решить всю нашу дальнейшую жизнь? Мы решили, что будем вместе до 13 июня. Потом она собиралась вернуться в Сиэтл, и я надеялся, что она вернется туда в последний раз. Наши эмоции с любовниками просто зашли слишком далеко. Мы соскользнули с водопада. Мы дадим им еще одни выходные, а потом попрощаемся с нашими любовниками.

Мы решили, что последние выходные начнутся с 13 июня. Мишель позволила мне послушать ее звонок Майку, где она сказала ему, что не сможет встретиться с ним до 13-го. Она попросила его не звонить до тех пор. Мы не хотели лишать Джеки уроков сквэр-данса, поэтому решили позвать ее с нами.

Я позвонил Джеки и спросил, может ли она взять выходной, чтобы мы могли еще раз съездить куда-нибудь на выходные. Она перезвонила мне чуть позже и сказала, что Тина снова ее заменит.

— Куда мы поедем?

— Пока не знаю, еще не решил. А ты сама куда хочешь?

— Я подумаю об этом.

Я сказал ей, что, скорее всего, мы не встретимся до пятничных танцев. Я сказал ей, что мы с Мишель заедем за ней в обычное время.

Всю оставшуюся неделю мы с Мишель жили своей обычной жизнью: ходили на работу, возвращались домой и отлично ужинали. Мы уютно устраивались на диване, смотрели телевизор, играли в карты и кости, а когда ложились спать, зажигали фейерверк! Мы занимались любовью так, словно завтра не наступит. Какими бы сладкими ни были наши

занятия любовью с тех пор, как Майк появился в жизни Мишель, я думаю, мы превосходили их почти каждую ночь! Я постоянно говорил ей, как сильно люблю ее, и она отвечала мне тем же. Мы прижимались друг к другу, целовались, занимались любовью.

***

В пятницу вечером мы с Мишель забрали Джеки и отправились на урок сквэр-данса. Потом мы отвезли Джеки домой, я легонько поцеловал ее в губы и сказал, что забронировал номер в Вирджиния-Сити на пятницу и в Рино на субботу.

— Я позвоню тебе позже и расскажу об этом подробнее.

Мы с Мишель поехали домой, зашли в дом и занялись любовью. Это был один из самых счастливых моментов в моей жизни. Мысль о том, что Мишель через неделю уедет в Сиэтл и что из этого может получиться, даже не приходила мне в голову. Я просто знал, что, как бы мы ни были счастливы, все хорошо и ничто не может этому помешать.

В субботу утром, перед тем как Джеки ушла на работу, я позвонил ей и немного рассказал о том, куда мы поедем.

— В Вирджиния-Сити есть очень классный исторический бордель. Я подумал, что было бы забавно остаться там на ночь. Может быть, будет забавно сыграть небольшую ролевую игру: ты можешь притвориться проституткой, а я буду твоим Джоном.

— Забавно звучит! Я обязательно возьму с собой одежду «шлюхи».

Ничего себе, подумал я, все может обернуться лучше, чем я себе представлял. Я сказал ей, в какое время заеду за ней в пятницу и что до этого времени у меня не будет возможности увидеться с ней.

Остаток недели пролетел незаметно. Мишель не звонила Майку, а я — Джеки. Наши с Мишель занятия любовью продолжались всю неделю, и мы наслаждались друг другом безмерно. Наш секс избавлял меня от любых опасений, что она может остаться в Сиэтле с Майком.

***

В пятницу утром мы с Мишель поцеловались на прощание. Она уезжала прямо с работы, и мне пришлось уехать на несколько часов раньше, чтобы забрать Джеки и добраться до аэропорта не позже 14:00, так как наш самолет вылетал в 15:00. Мы приехали в Рино около 18:30, взяли напрокат машину и поехали в Вирджиния-Сити. Мы зарегистрировались в нашем «борделе» около 20:00.

У меня не было возможности поговорить об этом с Джеки, но я знал, что с нетерпением

ожидал нашей ролевой игры. Я спросил у Мишель номер комнаты, в которой они с Майком провели ночь, так как хотел, чтобы мы с Джеки поселились в их комнате. Все было почти так, как описывала Мишель. Комната столетнего борделя выглядела так, какой я ее ожидал увидеть: комковатая толстая кровать; вычурное, хорошее покрывало; пара старых фотографий обнаженных девушек на стенах; керосиновые лампы на стене; умывальник и кувшин с теплой водой. Ни телевизора, ни другой электроники там не было, кроме старого телефона рядом с кроватью. Для нашей ролевой игры в тот вечер все подходило просто идеально!

Как только мы закрыли за собой дверь, я притянул Джеки к себе для поцелуя. Она оттолкнула меня и сказала, что я должен заплатить ей, прежде чем мы что-нибудь сделаем. Я заранее распланировал все на сто долларов наличными, которые достал из бумажника и протянул ей. Она прошептала мне на ухо:

— Тысяча долларов за сегодняшний вечер и выходные.

Я посмотрел на нее с шокированным выражением лица:

— Что? Ты же не серьезно. У меня нет с собой столько денег!

— Тысяча долларов, если только ты не хочешь спать на полу в одиночестве.

Я заикался и трясся, пока она снимала трубку древнего телефона и набирала номер портье:

— Здравствуйте, не могли бы вы прислать в наш номер дополнительное одеяло и подушку? — Небольшая пауза, затем. — Спасибо.

— Через несколько минут они принесут тебе постель.

Я смотрел на нее, совершенно потеряв дар речи.

— Мне кажется, я видела банк дальше по улице, если ты не хочешь воспользоваться дополнительным комплектом белья.

Я не знал, что делать. Но я чертовски уверен, что проделал весь этот путь не для того, чтобы спать на полу с моей красивой девушкой, уютно устроившейся в постели. Единственное, что пришло мне в голову, — это ограбить наши с Мишель накопления. Поэтому я прошел три квартала до банка и снял деньги. Когда я вернулся в комнату, Джеки аккуратно отсчитала тысячу долларов и положила их в сумочку.

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Дорогой, я не хочу, чтобы ты был нежным сегодня. Мне нужно, чтобы ты трахал меня.

Мое сердце билось где-то в горле.

— О чем ты?

— Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. Ты же знаешь, что я нуждаюсь в тебе, Роберт. Но сегодня ты нужен мне по-другому. Не сдерживайся. Я хочу раствориться в тебе, раствориться в твоем желании, раствориться в твоей похоти. Я твоя — воплоти в жизнь все свои фантазии. Со мной. Сегодня я твоя шлюха!

Не было никакого ожидания и никаких размышлений о том, что она наденет или как будет выглядеть, когда выйдет из ванной. Несмотря на то, что она давала мне карт-бланш, я все же начал немного нерешительно. Я обнял ее за шею и поцеловал в сладкие губы, чувствуя вкус ее духов. Я почувствовал, как она расслабилась от моего прикосновения, когда я взял на себя инициативу. Я вплел свои пальцы в ее волосы и засунул язык ей в рот. Другой рукой я схватил ее за грудь через блузку. Я любил ее, любил Джеки, но мои прикосновения не были нежными. Когда я оторвался от этого поцелуя, то сказал только одно слово:

— Раздевайся.

Не «снимай одежду», не «раздевайся для меня, детка», не «дай мне увидеть тебя голой», а простое «раздевайся».

Я откинулся на бугристую кровать и посмотрел на нее. Сначала она стояла и расстегивала верхнюю пуговицу своей оливковой атласной блузки. Когда ее бедра начали покачиваться, я почувствовал, что предательская выпуклость в моих брюках начала расти. Джеки закусила губу и покачала бедрами, расстегивая блузку. Когда она сбросила ее с плеч, я увидел кружевной бюстгальтер цвета слоновой кости и улыбнулся ей.

— Ты прекрасна, — прошептал я.

Джеки улыбнулась в ответ и покачала головой, растрепав волосы по спине. Она расстегнула молнию на своей узкой юбке и выскользнула из нее. Теперь на ней были только лифчик, трусики в тон, пара черных чулок с кружевным верхом и черные лакированные туфли. Моя выпуклость становилась все больше и пульсировала в штанах.

Она посмотрела на меня сверху вниз и прошептала:

— Так ты трахнешь меня?

— О да, — ответил я.

— Жестко?

Я кивнул.

— Потому что ты знаешь, что я твоя.

— Я знаю, — сказал я, пока она танцевала.

— Скажи мне, — попросила она. — Скажи мне, что ты собираешься делать.

— Я собираюсь трахнуть тебя, — мое сердце бешено колотилось. — Я собираюсь трахнуть тебя так, как никогда раньше. Трахну тебя так, как никогда раньше — ни я, ни кто-либо другой. — Она прикусила нижнюю губу, и ее щеки начали краснеть. — А теперь сними лифчик, — сказал я, — и покажи мне свои сиськи.

На мгновение ее глаза расширились, затем она потянулась назад и расстегнула лифчик, прежде чем сбросить его с плеч. Ее прекрасные соски, которые я сосал раньше, выглядели дерзкими и возбужденными. И я был голоден. Она сложила руки под грудью. Мимолетно я увидел страх в ее глазах — был ли это Роберт, которого она знала и любила, или она выпустила на волю кого-то другого. Не думаю, что она была уверена. Я поманил ее к себе, и она опустилась на колени рядом со мной. Я снова поцеловал ее яростно в губы, упиваясь ее вкусом. Моя рука потянулась к ее груди, терзая ее, разминая. Я ущипнул ее за сосок, и она ахнула; она снова ахнула, когда я повернул его. Но потом она застонала от удовольствия. Какая-то часть меня хотела притянуть ее к себе, взять в рот ее сосок и пососать, как я делал это раньше. Но сегодня Джеки хотела совсем другого.

Я взял руку Джеки и положил ее на выпуклость в моих штанах.

— Работай, — прошептал я. Ее глаза блеснули, когда она расстегнула мой пояс, расстегнула молнию и выпустила мой член. Когда она накрыла меня своим ртом, я почувствовал, как ее волосы каскадом падают мне на ноги, а ее горячее дыхание щекочет мой член. Рот Джеки был горячим, и я почувствовал, как ее губы медленно скользят вниз по моему члену. Я обхватил ее голову руками и застонал, когда она все быстрее и глубже брала меня в рот. Мой член пульсировал; я никогда не чувствовал себя таким твердым. Она держала мои яйца в своей руке и работала вверх и вниз. Я почувствовал, как ее губы сжались вокруг меня.

Не раздумывая, я ответил на ее движения толчками. Все еще держа ее голову в своих руках, я начал трахать ее в рот; мой член терся о ее зубы, когда я наполнял ее. Джеки застонала, посасывая мой член и сжимая мои яйца. Она любила меня так же, как я любил ее, но это была животная похоть, которую мы проявляли друг к другу. Желание и похоть.

Я схватил Джеки за волосы и, придерживая ее голову, засунул свой член ей в рот; другой рукой я сжал ее красивую попку. Я сжал ее так сильно, что она, казалось, задохнулась — по крайней мере, так мне показалось, ведь рот у нее был занят. Потом я схватил ее за трусики и потянул их вверх. Я дернул так сильно, что услышал, как порвался материал. Когда я дернул в последний раз, они разорвались на ее попке, и она осталась голой, если не считать чулок и каблуков.

— О Боже, Джеки, это потрясающе, — прохрипел я, когда мои ногти впились в ее задницу. Она сосала мой член, и ее язык был прижат к моему стволу. Мои пальцы нашли ее киску, и я втолкнул в нее два пальца — она была такой горячей, такой влажной. Я был убежден, что она хотела меня — желала меня, — с той же животной страстью, которую я испытывал к ней. Она посмотрела на меня, глаза ее улыбались и расширились, когда я снова запустил в нее пальцы.

— Тебе это нравится? Нравится? — прошептал я.

Все, что она могла сделать, — это простонать и слегка кивнуть. Я еще глубже погрузил в нее пальцы.

— Тебе нравится чувствовать мои пальцы в своей пизде?

Она застонала в знак согласия. Мой член пульсировал, сердце билось быстро, а пальцы скользили от ее сока. Мне хотелось большего. Я хотел дать Джеки то, чего она хотела; больше этой животной похоти. Мои пальцы выскользнули из ее киски и коснулись ее задницы. Ее рот широко открылся, и она задохнулась. За все время, что мы занимались любовью, мы никогда даже не говорили об анальном сексе. Но эта ночь была не для того, чтобы спрашивать разрешения, обсуждать границы и отсылать конверты. Я просунул палец внутрь, чувствуя, как ее задница плотно обхватила мой палец, когда он вошел в нее на одну фалангу.

— А как насчет этого? — Я спросил. — Держу пари, тебе это нравится, не так ли?

Она застонала в знак согласия, и я толкнул свой палец глубже, достаточно глубоко, чтобы мои костяшки были прижаты к мягкой плоти ее задницы. Я почувствовал, как она попыталась отстраниться; попыталась оторваться от моего члена.

— О Боже, Роберт, — она поднялась, чтобы глотнуть воздуха. — Пожалуйста, трахни меня!

Я знал, что сделаю это; я знал, что должен. Но не сейчас. Я вынул палец из ее задницы.

— Ты чувствуешь себя грязной?

Она кивнула.

— Ты сегодня моя грязная девчонка, моя шлюха?

— О да, — ответила она. — Да. Я хочу быть твоей шлюхой. Я вся твоя. Ты же знаешь, что это так. — Словно в подтверждение своих слов она поцеловала кончик моего члена, а затем облизала его по всей длине. Она сводила меня с ума, сводила с ума от желания. Я так хотел обладать ею, взять ее. — Я твоя шлюха, Роберт, твоя шлюха. Просто возьми меня. Покажи мне, что я твоя. Покажи мне, как ты хочешь меня. — Я почувствовал, как кончик ее языка дразнил мои яйца, и настала моя очередь застонать. Я схватил ее за задницу, терзая ее мягкую плоть,

пока она дразнила меня.

Джеки все еще стояла на коленях рядом со мной, когда я лежал на кровати. Я схватил ее за талию и притянул к себе, положив на колени. Я чувствовал ее грудь на своих бедрах. Бах! Я отшлепал ее по заднице. Я почувствовал боль в ладони, но знал, что и она почувствовала то же самое. Бах! Я шлепнул ее снова, и снова ее тело дернулось в ответ. Это прекрасное, почти обнаженное тело.

— Ты моя. — Прошептала я. — Ты моя шлюха. Ну, кто ты?

— Я… — Бах! — Твоя, — Бах! — Шлюха! — Бах!

Теперь мой член пульсировал почти болезненно. Я так хотел ее — я хотел Джеки, как никогда раньше. Я скользнул рукой между ее ног, один палец скользнул между бархатными складками ее киски.

— Твоя пизда — моя. — Прорычал я.

— О да. Да.

Я просунул в нее два пальца. Она была такой влажной, такой горячей, такой желанной.

— Встань на колени, шлюха.

Она встала на колени на кровати, и я встал позади нее. Я обхватил ее за талию и провел кончиком члена вверх и вниз по ее щели. Джеки застонала. Она хотела этого так же сильно, как и я. Я крепко держал ее за талию и протаранил вперед, насаживая ее на свой член одним движением. Она взвизгнула от удивления, когда я наполнил ее. Я почувствовал, как ее киска сжалась вокруг меня, как всегда, но потом я снова отшлепал ее, и она сжалась еще сильнее.

— О Боже, Роберт. — Прошептала она. — Ты такой огромный. Как будто ты собираешься расколоть меня надвое. — Я почти вытащил свой член из нее, а затем снова протаранил ее тугую киску. Наклонившись вперед, я схватил ее грудь и начал крутить сосок, тараня ее снова и снова. Она действительно была напряженной, а я — огромным. И я так сильно хотел ее. Мои толчки ускорялись, и Джеки отталкивалась от каждого толчка, предвкушая их и желая, чтобы каждый сантиметр меня был внутри нее.

— О Роберт, — сказала она, — сделай для меня кое-что.

— Что?

— Трахни меня в задницу. Никто никогда не трахал меня в задницу.

Я тоже никогда раньше не трахал девушку в задницу. Мы с Мишель однажды попробовали, и ей это не понравилось, поэтому мы больше никогда не пытались, но сегодня я был более чем готов дать Джеки то, чего она хотела!

Я оставил ее влагалище в покое и залюбовался ее задницей. О Боже, она была прекрасна! Я не мог удержаться и не раздавить эти красивые ягодицы своими руками, получив от нее стон боли; особенно после шлепков ранее.

Мой член все еще был скользким от соков ее киски, когда я раздвинул ее ягодицы. Я запустил пальцы в ее киску, смачивая их и одновременно получая визги удовольствия от Джеки. Своими пальцами, влажными от ее соков, я потер вдоль ее щели и убедился, чтобы она была достаточно влажной, прежде чем поместить мой влажный, скользкий член у входа в ее розовый бутон.

Вид ее зада, растянувшегося так широко в первый раз, был потрясающим. Особенно когда я знал, что это мой член собирается вторгнуться в нее. Я расположил свой член у ее входа и, не предупреждая, вошел в нее, сначала немного медленно, затем, когда я почувствовал, что ее сопротивление исчезло, я неуклонно двигался все глубже и глубже в нее.

— О черт! — Джеки застонала, когда я пронзил ее.

Это был первый раз для нас обоих, и я был поражен тем, как тесно и хорошо это было. Каждый сантиметр, на который я вторгался в нее, дарил мне мучительное чувство заключенного в раю.

Наконец, я ударил бедрами по ее покачивающимся ягодицам и лишил ее способности говорить из-за железного твердого члена, врезавшегося в нее. Я все еще не был нежен с ней; я почти безумно хотел обладать ею.

Резкие писки вырывались из нее, когда я таранил ее так грубо, как хотел. Я был уверен, что ей это еще не нравится. Ее визг сейчас отличался от стонов удовольствия, которые она издавала несколько минут назад.

— Роберт, помедленнее. Пожалуйста! — воскликнула она.

Ее мольба вывела меня из состояния безумия. Я хотел, чтобы она наслаждалась этим так же сильно, как и я, поэтому я замедлил себя, пока не начал легко входить и выходить из ее тугой попки; позволяя ей, наконец, привыкнуть к размеру, прежде чем я засадил ей по яйца.

Стоны Джеки стали звучать как стоны удовольствия, к которым я уже привык. Она лежала лицом вниз на кровати, пытаясь прикрыться одеялом, чтобы заглушать стоны удовольствия. Я не хотел, чтобы она заглушала себя. Я хотел, чтобы все в этом борделе знали, что мы трахаемся и трахаемся жестко!

Я понял, что Джеки играет со своим клитором.

— Я близко, я так близко, просто не останавливайся. — Она скулила на высокой ноте, яростно потирая клитор, пока я таранил ее сзади.

За несколько секунд до того, как я понял, что больше не выдержу, тело Джеки начало содрогаться в сильном оргазме. Она начала кричать от удовольствия:

— О, черт, о, черт, — она кричала снова и снова.

Когда она кончила, ее задница сжалась вокруг меня так крепко, что мне показалось, будто я навсегда застрял в этом райском месте!

Я больше не мог сдерживаться и поддался оргазму, который отчаянно пыталась сдержать. Джеки, очевидно, почувствовала это в ту же секунду, как я взорвал ее внутренности горячей липкой спермой. Похоже, ей это нравилось, судя по тому, как она прижималась ко мне бедрами в попытке осушить меня.

Я едва слышал ее стоны через подушки, но я знал, что она чувствовала себя так же потрясающе, как и я.

— Срань Господня! — пробормотала она, когда мы оба выдохлись и рухнули на кровать.

Мои прежние животные инстинкты утихли, и я не хотел ничего больше, чем любить эту девушку, которая отдала мне все. Я вытащил свой вялый член из ее задницы, и она перевернулась лицом ко мне.

— Это был самый невероятный опыт, который я когда-либо испытывала, — сказала она мне.

— Да неужели? Хочешь испытать это снова?

— Да, но не сейчас; думаю, какое-то время мне там будет немного больно.

Я поцеловал ее:

— Я люблю тебя.

Джеки замурлыкала, прижимаясь к моей груди, и мы оба заснули.

***

На следующее утро я проснулся и увидел, что Джеки плещет на лицо водой из умывальника на стойке. На ней было мое самое любимое платье — ничего. Ее обнаженное тело было так прекрасно. Она неторопливо подошла к кровати и села рядом со мной:

— Ну что, я отработала свои деньги прошлой ночью? — спросила она, просунув руку под одеяло и схватив мое утреннее дерево.

— Нет, пока нет. У меня есть планы на мою самую любимую шлюху до конца выходных.

— М-м-м, я надеюсь, что эти планы начнутся прямо сейчас. — Она сбросила с меня одеяло и начала залезать на меня. Я позволил ей оседлать меня и погрузить свою мокрую киску на мой член. О Боже, как ей было хорошо! Она отдыхала на мне несколько минут, но как только она начала скользить по мне вверх и вниз, я оттолкнул ее и перевернул на спину. Единственное, чему я научился с тех пор, как мы с Мишель начали нашу игру в январе прошлого года, — это сдержанности. Я научился сохранять это возбуждающее чувство живым, и я намеревался сделать это прямо сейчас.

Джеки улыбнулась мне и сказала:

— Ммм, прошлая ночь была фантастической. Но сегодня утром я хочу заняться с тобой любовью.

— Взаимно. Но нам нужно вставать. У меня есть планы на сегодня, и твое возбуждение тоже в них входит!

— Фу, иногда мне кажется, что я тебя ненавижу! Какие планы?

— Пока не скажу. Ты узнаешь позже. А сейчас давай найдем душ, приведем себя в порядок и оденемся.

В коридоре борделя мы нашли пару душевых: одну для мужчин и одну для женщин. Я натянул боксеры и выглянул наружу. В коридоре никого не было, поэтому я прокрался вниз, чтобы посмотреть, пусты ли они. Маленькие таблички на дверях гласили «пусто», поэтому я вернулся и сказал Джеки, что сейчас самое время принять душ. Прежде чем выйти в коридор, мы надели шорты и рубашки. Когда я начал следовать за ней в женский душ, она вытолкнула меня, сказав:

— Ух ты, никакого траха, никакого душа вместе!

Поэтому я неохотно принял душ в мужском туалете. Совсем не так весело!

После того как мы вымылись и оделись, мы с Джеки спустились вниз в поисках завтрака. Мы поздно добрались до борделя вечером, поэтому у нас не было возможности осмотреть

окрестности и найти столовую. К счастью, Серебряная королева подавала завтрак почти так же, как в старые времена. У нас был выбор из яиц, ветчины, бекона, жареной картошки и блинов. Все было чертовски вкусно! Когда нам выдали чек и пришло время уходить, моя хорошенькая юная леди улыбнулась мне и сказала:

— Я заплачу, думаю, теперь я могу себе это позволить.

После завтрака мы прошли в дальний конец зала и полюбовались Серебряной королевой. Это была картина примерно в четыре с половиной метров. На ней была изображена женщина, одетая в платье, сшитое из 3261 серебряного доллара и 28 двадцатидолларовых золотых монет. Зрелище было красивым и завораживающим.

http://erolate.com/book/2374/60894